

В браках русских с другими этносами обнаруживается совпадение рассматриваемых показателей, даже некоторое превышение фактической частоты заключенных браков над теоретической вероятностью. Совпадение отчетливо прослеживается в русско-немецких браках (в обоих вариантах). Это же относится к бракам русских с этносами, живущими дисперсно в изучаемом регионе. В русско-украинских браках (также в обоих вариантах, рис. 10—12) фактическая частота на протяжении изучаемого периода неизменно превышала теоретическую вероятность от 1,0 до 3,5%. Исходя из сопоставляемых данных, можно определенно сказать, что в межэтнических браках русских национальная принадлежность не имеет особого значения¹⁶.

В Павлодарском Прииртышье, как свидетельствуют приведенные материалы, межнациональные браки получили широкое распространение. В зависимости от этнического состава населения в каждом из обследованных районов преобладают те вариации межнациональных семей, которые включают представителей основной национальности района. Часты браки между русскими, украинцами и белорусами — народами, близкими по языку и культурно-бытовому укладам, причем в значительной части таких браков один из супругов — русский. Этнокультурная близость сказывается и в браках казахов с татарами, башкирами и др. В настоящее время наблюдается тенденция увеличения числа браков между казахами и русскими; процент таких браков уже достиг 30,9% в Баянаульском и 33,6% в Ермаковском районах. Очевидно, в этом и аналогичных процессах немалую роль наряду с миграцией и урбанизацией сельского населения играет межэтническая интеграция, способствующая сложению общесоветской культуры, широкому распространению русского языка как языка межнационального общения, формированию единого общесоветского самосознания¹⁷.

¹⁶ То же наблюдается и в других регионах страны (см. Современные этнические процессы в СССР, с. 469).

¹⁷ Бромлей Ю. В. Ленинизм и национальные процессы в современном мире.— В кн.: Актуальные проблемы развития наций и национальных отношений. М.: Наука, 1981, с. 21; *его же*. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 323.

Г. А. Г а й с и н

ГАРМОНИКА В МУЗЫКАЛЬНОМ БЫТУ КАЗАХОВ (XIX — начало XX в.)

Разнообразные этнокультурные связи казахов с русскими, усилившиеся особенно в XIX в., во многом способствовали появлению в казахском быту нетрадиционных форм культуры. Так, например, к середине XIX в. в среде казахов широко распространилась гармоника. Об этом, в частности, рассказывает в своих записках Я. П. Жарков, саратовский купец, не раз бывавший в Казахстане по торговым делам. «Нынче развелись еще везде у азиатцев наши деревенские гармоники, что сотнями тысяч изготавливаются под Тулой; есть еще органчики в ящичках: всем этим потешаются не только малые ребята да девки и бабы, а даже взрослые, даже первейшие министры, даже сам хан»¹. Далее он описывает интересный случай, происшедший с ним во время поездки: «Между тем для разнообразия удовольствий явились музыкантши. В дверях кибитки показалось несколько простых киргизских (казахских.— Г. Г.)²

¹ Записки саратовского купца Я. П. Жаркова о киргизах.— Библиотека для чтения. Спб., 1854, т. 126, с. 231.

² До 1925 г. в литературе и документах казахи ошибочно именовались киргиз-кайсаками или просто киргизами.

девушек и стали играть кто на балалайке (видимо, домбра.— Г. Г.), кто на варганчике (т. е. шанкобызе.— Г. Г.), кто наигрывал на деревенской гармонике»³. Описанный Жарковым случай относится к Внутренней (Букеевской) орде, где торговые связи казахов с Россией были очень тесны. Русские купцы привозили сюда железо, медь, латунь, сукно, различные ткани, сахар, чай, бумагу, краски, сабли, ружья, меха и даже музыкальные инструменты.

М. Иванин, например, в 1864 г. писал, что гармоники, называемые местным населением *гармон, сырнай*, раскупаются во множестве и очень любимы⁴. Популярными становились и новые мелодии. Так, на гармониках казахи часто исполняли напев песни «Ванька Таньку полюбил».

Ярмарки, как правило, становились не только местом купли-продажи, но и собирали музыкантов и певцов разных национальностей, выступления которых порой носили характер творческого соревнования в мастерстве игры на музыкальных инструментах, в пении, в искусстве импровизации. Исполнители нередко перенимали друг у друга понравившиеся мелодии.

Процесс распространения гармоники в XIX в. захватил и Среднюю Азию⁵. Известный русский путешественник и ученый П. И. Небольсин, побывавший в середине XIX в. в Хиве, так описывает впечатления местных жителей от игры на этом инструменте: «Хивинцы — большие охотники до музыки, сам хан приглашает к себе тех же русских приказчиков, которые умеют наигрывать на раздвижной гармонике разные плясовые песни, и его хивинское высокостепенство каждый раз приходит в восторг от необыкновенного искусства музыкантов, умеющих извлекать из небольшой и простой игрушки такие волшебные звуки, что даже его ханские плечи приходят в судорожное движение»⁶.

В значительной мере распространению гармоники в Казахстане способствовало начавшееся в 1860-х годах переселение крестьян из центральных губерний России. С 1870 по 1916 г. на земли Уральской, Тургайской, Акмолинской, Кокчетавской, Семипалатинской и других областей прибыло около 2 млн. крестьян. Среди привезенных ими различных предметов быта и культуры имелись и музыкальные инструменты.

Немаловажное значение для широкого распространения гармоники в быту казахского народа имело также сходство этого инструмента по звучанию с традиционным духовым музыкальным инструментом *сырнаем*. Данный момент, а также довольно широкие художественные и технические возможности гармоники, позволявшей извлекать более полный звукоряд, одновременно исполнять мелодию и аккомпанемент, способствовали тому, что она стала одним из самых распространенных и популярных музыкальных инструментов в дореволюционном Казахстане. На гармонике играли во время общественных праздников, на вечеринках, во время гуляний молодежи; принимая гостей, хозяева старались развлечь их игрой на гармонике.

Часто использовалась гармоника и в творчестве профессиональных народных музыкантов. Во второй половине XIX в. гармоника наряду с домброй и кобызом стала непременной «участницей» составлений акынов. Любимый инструмент помогал акыну в поэтической импровизации. На вопрос, при каких обстоятельствах акын может быстро и удачно импровизировать, известный акын-гармонист Нартай Бекежанов, например, ответил: «Когда я беру перо и бумагу, у меня ничего не получается. Когда же я беру в руки гармонь и начинаю отвечать на колкости своих противников (имеется ввиду айтыс), я пою быстро и

³ Записки..., с. 245—246.

⁴ Иванин М. Внутренняя, или Букеевская, киргизская орда.— Эпоха, 1864, № 12, с. 35.

⁵ Вызго Т. С. Музыкальные инструменты Средней Азии. М., 1980, с. 154—155.

⁶ Небольсин П. И. Очерки торговли России со странами Средней Азии.— В кн.: Зап. Русского географического об-ва. Т. 10. Спб., 1887.

хорошо»⁷. Популярность гармоника среди казахов была настолько велика, что наблюдался даже некоторый спад интереса к традиционным музыкальным инструментам — *сырнаю, сыбызге, кобызу*.

Широко распространена была гармоника до революции в рабочей среде. Так, на Успенском руднике, Спасском заводе, Нобелевских нефтяных промыслах на Эмбе, в Караганде и других промышленных центрах наряду с русскими работали казахи — недавние выходцы из сел, у которых еще во многом сохранялись традиции сельского быта. В семьях казахских рабочих обязательно имелись национальные музыкальные инструменты, а также гармоника. В начале XX в. в среде казахских рабочих появились новые формы музицирования, принятые наряду с традиционными. Вместе с русскими казахи, например, пели под гармонику революционные песни «Смело товарищи в ногу», «Варшавянка» и др.

Проникновение гармоника в казахский быт XIX — начала XX в. — один из многих примеров взаимодействия двух народных культур — казахской и русской. Исполнительство на этом музыкальном инструменте прочно вошло в музыкальный быт казахского народа, приобрело национальный колорит и своеобразие.

⁷ Исмаилов Е. Акыны. Алма-Ата, 1957, с. 33.

Л. А. Файнберг

СУДЬБЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ БРАЗИЛИИ

«Геноцид — сначала огнем и мечом, а потом мышьяком и пулями; цивилизация привела к исчезновению шести миллионов индейцев» — так озаглавил свою статью в газете «Санди Таймс» известный английский журналист Норман Льюис, посетивший в 1969 г. Бразилию, чтобы ознакомиться с положением коренного населения этой страны¹.

Будущее индейцев — это острейшая проблема для Бразилии, одной из стран Латинской Америки, в которой начиная с появления на ее территории европейцев в XVI в. и до сравнительно недавнего времени совершалось уничтожение аборигенного населения. Менялись лишь способы геноцида, но не практика его. Как справедливо заметила одна современная бразильская индеанистка: «В настоящее время, как и в прошлом, мы можем определенно сказать, что развитие (в тексте речь идет о развитии капиталистической экономики в Бразилии.— Л. Ф.) убивает индейцев»².

В 1500 г. в Бразилии было, по разным оценкам, от 2—2,5 млн. до 5—6 млн. индейцев. Теперь их осталось в лучшем случае не более 186 тыс., а по подсчетам некоторых исследователей, намного меньше, порядка 70—100 тыс. человек³. В колониальную эпоху тремя главными инструментами геноцида были так называемые «справедливые» войны португальцев против индейцев, порабощение, быстро приводившее к

¹ Lewis N. Genocide — From Fire and Sword to Arsenic and Bullets, Civilization Has Sent Six Million Indians to Extinction.— Sunday Times, 23, 11.1969, Davis Sh. Victims of the Miracle. Cambridge, 1977, p. 11—12.

² Ramos A. Development, Integration and the Ethnic Integrity of Brazilian Indians.— In: Land, People and Planning in Contemporary Amazonia. Cambridge, 1980, p. 223.

³ Mayer E., Masferrer E. La población indígena de América en 1978.— América Indígena, 1979, № 2, p. 221; Ramos A. Op. cit., p. 222; Demographic Summary: Lowland Indians of South America.— In: The Situation of the Indian in South America. Geneva (World Council of Churches), 1972, p. 385; Moser R. Zur heutigen Lage der Indianer in brasilianisch Amazonien.— Bulletin des Société Suisse des Américanistes 1979, № 43, p. 7—20; Noticiero indigenista.— América Indígena, 1977, № 2, p. 530.